

Людмила Константиновна Нефёдова

Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии, Омск, Россия
e-mail: konstans50@yandex.ru

Эстетика детства в проекте русской просветительской мысли

Аннотация. А. Д. Кантемир — признанный в истории русской культуры просветитель, поэт, переводчик Фонтенеля, положивший начало русской философской терминологии. Его литературное творчество, переводческая и политическая деятельность способствовали трансформации русского эстетического сознания, поскольку были этапом в развитии культурных связей с Европой, в развитии русской философской и литературно-художественной культуры, в частности в развитии языка русской литературы и философии. В поэтической «Сатире VII. О воспитании» в языковом стиле XVIII в. Кантемир представил ряд мыслей о воспитании, которые являются вполне современными и дают представление об эстетике детства в проекте русской просветительской мысли.

Ключевые слова: мысль, поэзия, воспитание, Просвещение, философия, эстетика.

Lyudmila K. Nefedova

Omsk State Pedagogical University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: konstans50@yandex.ru

Aesthetics of Childhood in the Project of Russian Educational Thought

Abstract. Russian philosopher A. D. Kantemir is an Enlightener, poet, and translator of Fontenelle, recognized in the history of Russian culture, who laid the foundation for Russian philosophical terminology. His literary work, translation and political activities contributed to the transformation of Russian aesthetic consciousness, since they were a stage in the development of cultural ties with Europe, in the development of Russian philosophical and literary artistic culture, in particular, in the development of the language of Russian literature and philosophy. In the poetic "Satire VII. About upbringing" in the language style of the 18th century, Kantemir presented a number of thoughts about upbringing that are quite modern and give an idea of the aesthetics of childhood in the project of Russian educational thought.

Keywords: thought, poetry, education, Enlightenment, philosophy, aesthetics.

Введение (Introduction)

Конструирование философского понимания детства приобрело чрезвычайную актуальность на рубеже XX–XXI вв. и не утратило ее и сегодня. Данный тренд определен вызовами культуры транзитивного периода, которая наряду с тенденцией трансформации вызывает к сохранению исторически оправдавших себя смыслов и ценностей, что, в свою очередь, представляется возможным при обращении к культурным ретроспекциям процессов инкультурации ребенка. Цель статьи — на основе сатиры А. Кантемира представить конструкт философского понимания ребенка в проекте русского Просвещения, гипотетически обозначить непрерывность традиции философского понимания ребенка в русской культуре, в перспективе исследования феномена русского детства восполнить недостающие лакуны в понимании детства и ребенка в неспецифических формах русского философствования.

Методы (Methods)

Настоящее исследование опирается на историко-эстетические методы, позволившие исследовать трансформации эстетического сознания в русской культуре XVIII в., которые осуществлялись в трех взаимосвязанных направлениях.

Во-первых, в сфере русской религиозной жизни политика Петра I была направлена на реализацию подчинения церкви государству, эта политика напрямую связана с деятельностью Феофана Прокоповича. Во-вторых, в сфере светской культуры латентно формировалась философская мысль, художественное творчество, наука, искусство политики, образование и воспитание. Эта сфера во многом связана с именем А. Д. Кантемира, а затем и М. В. Ломоносова. В-третьих, становлению русского эстетического сознания способствовало развитие промышленно-экономической сферы государственного строительства, что было связано с именем В. Н. Татищева.

Все три направления, безусловно, значимы в формировании русской эстетической мысли XVIII в., однако именно в континууме светской культуры определялись и прояснялись смыслы русской жизни во всех ее проявлениях: в сфере государственного устройства и экономического развития, в сфере духовно-религиозной, политической жизни, в сфере образования и воспитания. Именно в русле светской культуры осуществлялось решение задачи формирования типа просвещенного русского человека — гражданина, полезного своему отечеству.

Помимо собственно историко-эстетического метода применен художественно-эстетический метод прочтения сатиры Кантемира.

Литературный обзор (Literature Review)

В континууме развития русской эстетики XVIII в. достаточно много направлений, мы согласимся с особой значимостью трех, обозначенных в свое время А. П. Валицкой как «стилистические тенденции». Это, во-первых, утверждение идеи торжества российской державной славы в формах художественной культуры. Во-вторых, гротескное изображение всего устаревшего, мешающего развитию новых, просвещенных форм деятельности, и обличительно отрицательное отношение к тому, что мешает развитию и утверждению нового. В-третьих, раскрытие культурного значения рациональности, имеющей выражение в простоте, деловитости, здравом смысле [1, с. 38].

Данные тенденции нашли свою определенность в эстетике детства в проекте русского Просвещения. Эстетика, как она понимается в философии, имеет основание в чувственной природе человека. Категорию эстетического достаточно часто приходится разграничивать от категории прекрасного, поскольку здесь часто бывает вольное и невольное допущение некоторого тождества данных понятий, что встречается даже у М. К. Мамардашвили, который соотносил слово «эстетика» с понятием чувственной радости [2, с. 173–175]. Подобный подход есть и у В. С. Соловьева [3, с. 35]. Тем не менее такое, строго говоря, ошибочное в категориальном плане допущение имеет основание в самой природе интенциональности эстетического чувства. Оно есть результат чувственного познания объекта, который может притягивать, а может и отталкивать субъекта. Притяжение вызывает радость чувственной сферы при восприятии субъектом объекта и, соответственно, стремление продлить познание. Объект при этом полагается как нечто прекрасное. Красота может быть в природе [3], а может быть создана человеческим творчеством. Таким образом, возникает еще одно отождествление: искусства и красоты, хотя искусство выражает полноту конкретно-чувственного постижения мира, включающего категории низкого и безобразного. Однако именно в красоте «...мы встречаемся с чем-то безусловно-ценным, что существует не ради другого, а ради самого себя, что самым существованием своим радует и удовлетворяет нашу душу, которая на красоте успокаивается и освобождается от жизненных стремлений и трудов» [3, с. 35].

Всё сказанное подводит к пониманию эстетики детства, детского возраста. Прежде всего, период детства, дети, ребенок представляют эстетический объект, вызываю-

щий почти безусловное радостное приятие, имеющее как природные, так и культурные основания. Дети — будущее и надежда рода человеческого во все исторические эпохи. Их возвращение предполагает огромные культурные вложения, жертвенность, но добрые результаты возвращения радуют. Это основания, на которых строится эстетика воспитания и образования. Эта эстетика, пожалуй, впервые вполне определенно в русской культуре представлена в творчестве А. Кантемира.

Историческая значимость А. Д. Кантемира в русской культуре является общепризнанным фактом и определяется, прежде всего, его ролью в развитии русского литературного языка, применения им системы силлабического стихосложения в русской поэзии, обращением к просвещенческой проблематике стихотворных произведений, переводом Фон-тенеля и расширением (точнее, основанием) словаря философских терминов. Всё это, совмещаясь с дипломатической деятельностью, принадлежностью к «Ученой дружине», вкупе с «благородством, правдивостью и кротостью» личного характера [4, с. 737], составило энциклопедически выверенный портрет Кантемира в истории русского Просвещения.

Роль Кантемира в развитии и становлении феномена русской литературы раскрыта В. Г. Белинским: Кантемир упоминаем в обзорах русской литературы, ему была посвящена развернутая критическая статья, которая, как это будет отмечено далее, выходила за границы собственно литературной критики и содержала обращение к русской мысли в ее содержательно-эстетическом плане.

Отдавая должное исторической значимости творчества Кантемира, Белинский отмечал безнадежную устарелость языка его стихов. Жанр сатиры, несвойственный русской культурной традиции, не устоявшийся литературный язык первой трети XVIII в., затрудняющий культурную коммуникацию с потомками, — всё это оставляло Кантемира уже к середине XIX в. в далеком прошлом вне континуума бурно развивающейся русской литературы. Форма и содержание творчества Кантемира вполне соответствовали духу времени первой трети XVIII в. Однако, уже в первой половине XIX в. сатира с ее неповоротливостью жанровой формы, с редукцией ритма силлабического стиха, с не утвердившимся синтаксическим порядком, мягкостью иронии, там, где неистовый Виссарион хотел бы видеть уничтожающий гротеск, — всё это читалось как анахронизм. При этом критик не осуждал автора, но вполне оправдывал его ссылкой на характер культурной эпохи, которой принадлежал Кантемир, чья личность выписана удивительно тепло и сочувственно. Перед читателем в полный рост встает русский просветитель, образованнейший человек, писатель, общественный и политический деятель, не поэт, но дидакт и публицист, чья короткая жизнь была полна неустанных трудов.

Белинский принадлежал времени с иной эстетикой словесного творчества и невольно оставлял Кантемиру и его наследию реликтовую роль. «Неуклюжие» стихи «умного, честного и доброго Кантемира» [4, с. 743] уже не соответствовали духу первой половины XIX в. — времени бурного формирования литературного творчества. Будучи гегельянцем, Белинский, так или иначе, разделял взгляд Гегеля на

личность, выполнившую свою роль в истории и переставшую быть актуальной, что явно сквозит в его отношении к Кантемиру, который бесценен в истории русской литературы периода ее латентного становления, но интересен не читателю, а специалисту-историку уже во времена Белинского.

В то же время интерес Белинского к европейской философии при осмыслении им творчества Кантемира выводит его за границы собственно литературной критики в эстетику русской философской мысли в плане ее формы и содержания. Идеи, транслируемые деятелем русского Просвещения, представлялись Белинскому не устаревшими, но новыми, значимыми и через 100 лет, после их публикации, что он неоднократно подчеркивал в разборе текстов Кантемира. Понятием «мысль» он пользуется при разборе почти каждого текста. Историзм и философичность выводили его в осмыслении словесности за ее пределы в общие вопросы эстетики, литературы, театра, искусства и в философскую проблематику проекта Просвещения XVIII в., продолжавшую быть актуальной в XIX в. По существу, критик развернул релиз эстетики русской мысли в трудах Кантемира во множестве глубоких живых, подчас метафорических замечаний. Отметим наиболее важные положения для понимания эстетики русской просвещенческой мысли.

Полагая, что Кантемиру были более свойственны дидактика и публицистичность, а не художественный талант, Белинский разбирает идеи его произведений: человеческий ум и глупость; просвещение, наука и невежество; злонаравие и добролюбие; страсти и разумная умеренность; воспитание и его возможные результаты, опыт и знание, старость и юношество. Эти мысли, по мнению критика, скорее новы, чем стары. Они коррелируют с идеями европейской философии Просвещения и раскрыты на основе русской живой действительности «в борьбе с трудностями языка» [4, с. 749], еще не приспособленного к выражению метафизических, этических и эстетических понятий.

Поэзия Кантемира — «...поэзия ума, здравого смысла и благородного сердца» [4, с. 745]. Мысли его сатир были выражены не только русским языком, но и русским умом, в связи с чем имели успех у образованных современников. И мысли, и образы повседневной жизни, и русский язык, а главное, переживание русской жизни выдавали в Кантемире мыслящего субъекта: человека, осмелившегося свободно пользоваться своим разумом [5, с. 29]. Выведенные художественные картины русской жизни и человеческие типы стали способом выражения идей Просвещения в России, наряду с государственной (В. Н. Татищев), духовно-просветительской (Ф. Прокопович) деятельностью. Одна из таких идей — мысль о гуманном воспитании в сатире VII [6], где вполне прозрачно усматривается концепт русской эстетики XVIII в. [1, с. 53–58].

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Взгляд на сатиру с позиций сегодняшнего дня позволяет отметить, что Кантемир дает гротескный абрис культурной традиции воспитания, в основе которой явно и имплицитно лежит возрастная оппозиция: старшие учат и наставляют младших. Он понимает, что его просвещенческий подход к воспитанию и образованию отроков вызовет раздражение у:

«...Седых, пожилых людей, кои чтут с очками
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнят мор в Москве и, как сего года,
Дела Чигиринского скажут похода?» [6]

Тем не менее он доводит до читателя мысль, «...что ум в людях не растет месяцем и годом...» [6]. Кантемир разрушает коррелят понятий разума и зрелого возраста, характерный для традиционной культуры. Просвещение — инновационная эпоха опыта, эксперимента, открытий, путешествий, неустанного труда. Это — эпоха молодых, бодрых, беспокойных, не уставших от жизни людей. Молод сам автор, которому нет и 30 в год написания сатиры (1739), далеко не стар адресат сатиры Н. Ю. Трубецкой (1699–1767). О молодых, а скорее всего о юных, и даже детях, думает Кантемир как носитель эстетики «простоты, рациональной логики, практической деятельности» [1, с. 39]. Это эстетика повседневного воспитания, соотносимая с исконной метафорой культуры — возделыванием почвы. Он дружески обращается к князю Трубецкому:

«...Никито, друг! то одно я знаю,
Что если я добрую, ленив, запускаю
Землю свою — обрстет худою травкою;
Если прилежно вспашу, довольно покрою
Навозом песчаную — жирнее уж станет,
И довольный плод с нея трудок мой достанет» [6].

Ребенок есть почва — данное природой, подлежащее возделыванию создание, а детство — время жизни человека, включающее как злое, так и доброе начала.

«Каково б с природы рук сердце нам ни пало,
Есть, есть время некое, в коем злу немало
Склонность уйдем, буде всю истребить не можем,
И утвердиться в добре доброму поможем, —
Время то суть первые младенчества лета» [6].

Портрет ребенка у Кантемира следует поставить в один ряд с философскими портретными зарисовками в трудах Платона, Сенеки, Августина, Локка, которые отмечали, с одной стороны, спонтанную восприимчивость ребенка к новому знанию, а с другой стороны, несформированность способности к самостоятельному повседневному обучению. Об отборе и цензуре дидактического материала писал Платон [7, с. 161–167]. Об отсутствии добродетели в ребенке — Сенека [8, с. 313]. О лености и нежелании учиться — Августин [9, с. 8]. Об отсутствии врожденных понятий — Локк [10]. В целом у Кантемира обрисовывается позиция предвосхищения метанарратива трех веков эпохи Просвещения — просвещенного разума. Идея просвещенного разума находит объективную в воспитании и образовании ума отрока.

«Чутко ухо, зорок глаз новый житель света
Пялит; всяка вещь ему приметна, всё ново
Будучи, всё с жадностью сердце в нем готово
Принять: что туды вскользнет, скоро вкоренится,
Буде руки приложить повадка потщится;
На веревке силою повадки танцуем.
Большу часть всего того, что в нас приписуем
Природе, если хотим исследовать зрело,
Найдем воспитания одного быть дело» [6].

Кантемир, говоря вполне концептуально о воспитании сердца и разума ребенка, оставаясь в сфере иронического отношения к предмету изображения, выходит за пределы жанра сатиры. Его концепция воспитания включает и прилежность труда воспитателя, который намерен получить достойный результат своих трудов; и понимание несовершенства и в то же время чрезвычайной впечатлительности человеческой природы, явленных уже в детстве; и восприимчивость ребенка к воспитательному слову науки. Полагаем, важно отметить, что сатира написана раньше, чем труды К. А. Гельвеция и Ж.-Ж. Руссо о воспитании. Идея воспитания изложена лаконично, но обстоятельно на маленьком текстовом поле и включает мысль о чрезвычайной трудности дела образования и воспитания ребенка, мысль о неизбежности жесткого прессинга культурного воспитательного воздействия на ребенка, однако с верой в силу воспитания, в идею инкультурации. Таким образом, в сатире VII в 1739 г. на русском языке декларирована программа культивирования человеческого разума в применении к быту и культурным потребностям русского общества. Идеи были высказаны в свободном обращении к Н. Трубецкому, что говорит об эстетике дружеской культурной коммуникации, способствующей обмену мыслями в расчете на отклик.

Жанр сатиры, хотя и очень мягкой, по мнению Белинского, обращение к другу, иронический взгляд на вещи — всё это, казалось бы, исключало пафос торжественного утверждения силы и славы России, свойственный, например, как одам Ломоносова, так и эстетике русского XVIII в. в целом. Кантемир, однако, говорит в сатире и о Петре I, задавшем интенцию развития России, ее выхода из культурного одиночества. Эта идея необходимости движения от Средневековья к Новому времени посредством науки и образования также определяет эстетику воспитания русского отрока.

«...Высшим умом монарх одаренный,
Петр, отец наш, никаким трудом утомленный,
Когда труды его нам в пользу были нужны.
Училища основал, где промысл услужный
В пути добродетелей имел бы наставить
Младенцев...» [6]

Заключение (Conclusions)

В итоге отметим, что деятельность А. Д. Кантемира сегодня взыскует к исследователю-гуманитарию, а может быть, и к коллективу соавторов, которые соединили бы воедино понимание его места в истории русского языка, литературы, философской антропологии, эстетики, культурологии. Это человек, определивший во многом понятийный фундамент русской философии, чтобы она смогла выражать оттенки метафизических умозрений; один из первых русских практиков диалога культур. Возможно, что перевод Фонтенеля предварил понимание в русской культуре метафоры Канта о звездном небе и моральном законе. Допускаем это предположение, поскольку Кантемир не «запускал» добрую землю своей страны, а прилежно вспахивал ее, чем был интересен образованным современникам. Его читали в списках, обдумывали, обсуждали, его тексты, как позднее комедию А. С. Грибоедова, «разносили на пословицы». Тексты Кантемира инициировали процесс усвоения русским обществом идей просвещенного разума в той форме, на том языке, которые только и могли быть понятны в первой половине XVIII в. читателю.

Кантемир пребывает в латентном пласте русской философии, предваряя «Русскую идею» Н. А. Бердяева, «Психологию детства» В. В. Зеньковского, «Основы педагогики. Введение в прикладную философию» С. И. Гессена. Так много сделавший и так рано ушедший русский интеллект XVIII в. не должен быть культурным реликтом. Пора увидеть во всей полноте роль Кантемира в развитии русской философии.

Библиографический список

1. Валицкая А. П. Русская эстетика XVIII века. М. : Искусство, 1983. 238 с.
2. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления // Мамардашвили М. К. Философские чтения. СПб. : Азбука-классика, 2002. С. 173–506.
3. Соловьев В. С. Красота в природе // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М. : Искусство, 1991. С. 30–72.
4. Белинский В. Г. Кантемир // Собр. соч. : в 3 т. Т. II. Статьи и рецензии 1841–1845. М. : ОГИЗ, 1948. С. 732–752.
5. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // Собр. соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1966. Т. 6. С. 25–36.
6. Кантемир А. Д. Сатира VII. О воспитании. К князю Никите Юрьевичу Трубецкому // Кантемир А. Д. Собр. стихотворений. Л. : Советский писатель, 1956. С. 157–172. URL: <https://rvb.ru/18vek/kantemir/01text/01text/01satyres/07.htm> (дата обращения: 22.11.2020).
7. Платон. Государство // Древнегреческая философия: От Платона до Аристотеля. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. С. 91–438.
8. Сенека Л. А. Письмо CXXI // Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. М. : Наука, 1977. С. 311–314.
9. Августин А. Исповедь. М. : Владос, 2000. 799 с.
10. Локк Д. Два трактата о правлении // Соч. : в 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. С. 135–406. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000458/index.shtml> (дата обращения: 22.11.2020).

References

- Avgustin A. (2000) *Isproved' [Confessio]**. Moscow, Vlados Publ., 799 p. (in Russian)
- Belinskii V. G. (1948) *Kantemir [Cantemir]*, Collected Works. Vol. II. Stat'i i retsenzii 1841–1845 [Articles and Reviews 1841–1845]**. Moscow, OGIZ Publ., pp. 732–752. (in Russian)

Kant I. (1966) Otvet na vopros: Chto takoe prosveshchenie? [Answer to the Question: What is Enlightenment?]*, *Collected Works*. Moscow, Mysl' Publ., vol. 6, pp. 25–36. (in Russian)

Kantemir A. D. (1956) Satira VII. O vospitanii. K knyazyu Nikite Yur'evichu Trubetskomy [Satire VII. About education. To Prince Nikita Yuryevich Trubetskoy]*, *Kantemir A. D. Sobranie stikhotvoreniy [Collection of Poems]**. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., pp. 157–172. Available at: <https://rvb.ru/18vek/kantemir/01text/01text/01satyres/07.htm> (accessed: 22.11.2020). (in Russian)

Lokk D. (1988) Dva traktata o pravlenii [Two Treatises on Government]*, *Collected Works*. Moscow, Mysl' Publ., vol. 3. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000458/index.shtml> (accessed: 22.11.2020). (in Russian)

Mamardashvili M. K. (2002) Ehstetika myshleniya [Mind Aesthetics]*, *Mamardashvili M. K. Filosofskie chteniya [Philosophical Readings]**. Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ., pp. 173–506. (in Russian)

Platon. (2003) Gosudarstvo [State]*, *Drevnegrecheskaya filosofiya: Ot Platona do Aristotelya [Ancient Greek Philosophy: From Plato to Aristotle]**. Moscow, AST Publ., Kharkiv, Folio Publ., pp. 91–438. (in Russian)

Seneka L. A. (1977) Pis'mo CXXI [Letter 121]*, *Seneka L. A. Nравstvennye pis'ma k Lutsiliyu [Moral Letters to Lucilius]**. Moscow, Nauka Publ., pp. 311–314. (in Russian)

Solov'ev V. S. (1991) Krasota v prirode [Beauty in Nature]*, *Solov'ev V. S. Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika [Philosophy of Art and Literary Criticism]**. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 30–72. (in Russian)

Valitskaya A. P. (1983) *Russkaya ehstetika XVIII veka [Russian Aesthetics of the 18th Century]**. Moscow, Iskusstvo Publ., 238 p. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by author of the article.